

— Лин Си, а зачем тебе свиная щетина? — с любопытством спросила старшая невестка, стоя у загона со свиньями и прижимая к себе маленького гера.

Лин Си опасался, что свинья может боднуть его, поэтому действовал предельно осторожно и даже голос понизил:

— Для зубной щётки.

— Зубной щётки? — переспросила она. — Той самой, которой зубы чистят?

В это время зубные щётки ещё не были в ходу. В более зажиточных семьях в уезде для чистки зубов покупали зубной порошок, а в деревне, не желая тратиться, чаще всего пользовались ивовыми или тополиными веточками.

— Да, — кивнул Лин Си.

Старшая невестка слушала с интересом и рассмеялась:

— Смотрю, вам с Сяо Яньба точно есть о чём поговорить, у вас обоих в голове постоянно рождаются какие-то диковинные идеи.

Лин Си не стал спорить. Наконец он собрал достаточно щетины, от долгого сидения на корточках ноги у него почти онемели, да и приходилось всё время быть начеку, вдруг свинье что-то не понравится и она лягнёт.

— Старшая невестка, я пойду, — сказал он, выпрямляясь. — Когда сделаю щётки, в другой раз принесу вам несколько.

Всё-таки он не хотел просто так брать щетину, поэтому решил сделать побольше зубных щёток и раздать их всем.

В древние времена, в отличие от современности, не существовало отдельных зубных врачей. Если у человека начинали болеть зубы, он в лучшем случае шёл в медицинский зал за несколькими порциями обезболивающего. Облегчение было лишь временным, до причины никто не добирался.

При торговле людьми в посреднических конторах обязательно осматривали зубы и руки. Простолюдины, жившие в нужде, целыми днями занятые тяжёлым трудом, не имели ни времени, ни возможности заботиться о чистоте зубов и рук. Поэтому у таких людей зубы чаще всего были в плачевном состоянии, а под ногтями годами скапливалась грязь. Таких можно было продать разве что в самые низшие слуги или на каторжные работы.

Собрав свиную щетину в небольшой мешочек, Лин Си сразу отправился к бабушке У. Он пришёл как раз вовремя, они с Люй Чжи только что закончили проверять несколько плотно закупоренных кувшинов с вином.

— Ты как раз кстати, — обрадовался Люй Чжи. — Посмотри, уже можно начинать... ну это... паро... перегонку?

Он всё ещё никак не мог привыкнуть к новым словам, которые узнавал от Лин Си.

— Можно, — ответил он и ускорил шаг, подбежав к кувшинам.

Он по очереди приподнял крышки, проверяя содержимое. Ароматы разных фруктов смешались, в воздухе витал густой запах брожения, довольно резкий, так что, казалось, можно опьянеть, даже не сделав ни глотка.

— Почти готово, — сказал Лин Си, закрывая крышки. — Вы пока подождите, я позову брата Хо, пусть поможет сложить очаг.

У Люй Чжи совсем недавно случился выкидыш, его телу требовалось долгое восстановление; бабушка У к тому же была в годах. Лин Си и думать не мог о том, чтобы нагружать их работой. Даже когда они наперебой предлагали помочь, он решительно отказывался.

Развернувшись, он, словно заяц, вприпрыжку убежал прочь и в мгновение ока исчез из виду, оставив их с вытянутыми руками - ухватить было уже некого.

— Этот ребёнок... всё боится нас утомить, — проворчала бабушка У, но в её голосе звучала одна лишь ласка: она и вправду относилась к Лин Си как к родному.

По дороге Лин Си заодно замочил свиную щетину, позже нужно будет тщательно её очистить.

— Брат Хо, сможешь сложить печь? — опершись о дверной косяк, Лин Си кивнул в сторону комнаты.

Хо Цзюй поднял глаза, отложил работу и уточнил:

— У бабушки У?

— Ага, — Лин Си с воодушевлением потёр ладони. — Сегодня я покажу тебе настоящее волшебство.

Хо Цзюй с недоумением переспросил:

— Волшебство?

Лин Си, подперев подбородок, задумался на мгновение.

— Магия? Чары? А, точно, колдовство.

Взгляд Хо Цзюя скользнул по его лицу, ленивый и равнодушный.

— С нетерпением жду, — произнёс он.

По тону было ясно: ни капли ожидания. Лин Си это нисколько не задело. Он уже предвкушал момент, когда у Хо Цзюя отвиснет челюсть.

— Ты иди вперёд, а я зайду, кое-что возьму, — сказал он и развернулся к кухне.

Хо Цзюй не знал, что тот задумал. В любом случае он ходил медленно, поэтому первым направился к дому бабушки У.

Спустя короткое время Лин Си его нагнал. Стоило Хо Цзюю слегка обернуться, как он увидел: юноша нёс на плече большой деревянный чан - новый, ещё ни разу не использованный.

Он протянул руку, чтобы помочь, но Лин Си ловко уклонился.

— Ты лучше за собой следи, — бросил он.

Затем, пройдя рядом с Хо Цзюем всего несколько шагов, Лин Си потерял терпение и, ускорившись, уверенно зашагал вперёд.

Хо Цзюй: «...»

Ты так себя ведёшь, что я на этом фоне выгляжу совсем слабаком. Он покрутил шеей, оглядываясь по сторонам. Солнце стояло уже высоко, вокруг ни души, только всходы риса покачивались на ветру.

Когда он вслед за Лин Си дошёл до дома бабушки У, тот как раз объяснял, что за вещь притащил:

— Это называется чжэн-тун. Деревянный перегонный чан, по сути - паровая ёмкость. Снизу ставится земляной котёл, сверху - верхний сосуд. Когда начнётся перегонка, готовый спирт будет вытекать вот отсюда.

Этот чан Лин Си тайком заказал у мужа тётки. Конечно, он мог бы сделать его и сам, но это потребовало бы слишком много времени и материалов, да и подходящих инструментов у него не было. Деньги всё равно пришлось бы тратить, так почему бы не заплатить мастеру. Дядя не стал церемониться: дал скидку, но деньги взял. Впрочем, поскольку он всё равно собирался делать мебель для Лин Си и Хо Цзюя, такую мелкую работу поручил ученикам.

И практика показала: у хорошего мастера и ученики отличные - ни единой заусеницы, поверхность гладкая, приятно держать в руках.

Хо Цзюю, конечно, было любопытно, но его главная задача сейчас была другой - сложить очаг.

— Где будем делать печь? — спросил он.

Двор у бабушки У был просторный. Они выбрали свободное место подальше от курятника: Лин Си носил материалы, а Хо Цзюй занялся кладкой печи.

— Если бы были кирпичи, дело пошло бы куда быстрее, — вытирая пот со лба, вздохнул Лин Си.

Бабушка У подала ему чашку уже остывшей воды и с жалостью сказала:

— Красный кирпич дорогущий, кто ж им станет печи выкладывать.

Люй Чжи согласно кивнул:

— Верно. В деревне кирпичи для домов покупают партиями. У кого рука поднимется так переводить добро?

Слушая их, Лин Си вдруг ясно осознал: это не современность, где на заброшенных стройках валяются никому не нужные кирпичи. Он задумался: надо бы как-нибудь попробовать обжигать кирпичи самому. Если удастся сделать качественные, не обязательно даже продавать, для собственного строительства они уже были бы на вес золота.

Хо Цзюй заметил, как у Лин Си забегали глаза, и сразу понял - тот опять что-то замышляет. Уголки его губ сами собой приподнялись.

После долгой возни очаг наконец был сложен. Новый, ещё сырой, он пока не годился к использованию, но при такой погоде к завтрашнему дню вполне должен был просохнуть и стать пригодным для дела.

Вообще-то очаг можно было использовать уже сегодня, но после всей суеты время незаметно подошло к ужину, и бабушка У оставила их обоих поест у неё.

Хо Цзюю было неловко принимать приглашение на чужой стол. В детстве, когда люди, жалея его, звали поесть, нередко случалось так: либо посреди трапезы, либо едва чашку ставили перед ним, появлялась Чжао Сюцзюань и начинала упрекать, мол, он нарочно так делает, чтобы посторонние подумали, будто в доме его морят голодом.

На самом же деле она уводила его назад, чтобы заставить готовить. С пустым желудком он должен был сварить ужин, а потом ещё и думать не смел о еде: сперва покормить свиней, кур и уток, вымести двор. Когда со всем управишься и вернёшься к столу, оставались лишь холодные объедки. В детстве он этого не понимал, знал только, что голоден. Позже, когда появилась гордость, он стал нарочно избегать чужих домов к обеду и ужину, опасаясь, что его оставят поесть. Чужая доброта со временем превратилась для него в тяжёлое бремя.

— Хорошо, спасибо, бабушка У, я хочу ваши лепёшки, — Лин Си и не подумал изображать вежливый отказ, согласился сразу, да ещё и с пожеланием.

Хо Цзюй стоял рядом, весь напряжённый, но тут услышал, как юноша добавил:

— Брат Хо сейчас восстанавливается после травмы, ему нельзя солёного. Только, пожалуйста, не пересолите.

— Я... — Хо Цзюй открыл было рот, собираясь сказать, что у него нет столько требований.

Бабушка У несколько не рассердилась, наоборот, с ласковой улыбкой погладила Лин Си по голове и тут же закивала:

— Хорошо, хорошо, бабушка запомнила.

Лин Си широко улыбнулся:

— Бабушка, вы такая добрая. Я помогу вам с огнём.

И они, переговариваясь и смеясь, вошли в дом, совсем как родная бабушка с внуком.

Хо Цзюй: «...»

Иногда он и правда восхищался способностью Лин Си располагать к себе людей.

На ужин были лепёшки, испечённые бабушкой У, холодная лапша, принесённая Лин Си, и зелёная фасоловая каша, сваренная Люй Чжи. Сплошные сытные блюда, лица у всех сразу посветлели.

Листовую зелень сорвали прямо с огорода бабушки У: её просто обжарили и слегка посолили - вкус получился свежий и чистый. Лин Си редко встречал еду, которая ему не по душе; если бы не уважение к продуктам, он бы, пожалуй, выплюнул то, что оказалось у него во рту.

— Такая горечь... И как вообще можно так испортить блюдо. Яйца вроде бы ароматные, а есть невозможно. Просто жаль хорошую сковородку яиц.

Бабушка У расхохоталась:

— Это горькая дыня, она «снимает жар», полезная. Побольше поешь, для здоровья хорошо.

Люй Чжи тоже улыбнулся и поддразнил его:

— В деревне все дети больше всего не любят горькую дыню. Видно, наш Лин Си ещё не повзрослел.

Хо Цзюй молча налил Лин Си стакан воды и поставил рядом. Тот тут же схватил его и залпом выпил, лишь тогда горечь во рту немного отступила.

— Даже когда мне будет семьдесят или восемьдесят, я всё равно не смогу её полюбить.

В доме раздался дружный смех. Бабушка У, принадлежавшая к типу безоговорочно балующих, тут же заявила:

— Ладно-ладно, не будем есть. С этого дня горькой дыне запрещено появляться перед Лин Си.

Люй Чжи, из тех, кто легко подхватывает чужие слова, тут же поддержал:

— Да-да, точно.

А вот Хо Цзюй явно относился к «строгим отцам»: он снова положил Лин Си кусочек в чашку и спокойно сказал:

— Попробуй ещё раз. Съешь несколько кусочков, на самом деле она вкусная.

Он положил в рот большой кусок горькой дыни, будто нарочно показывая пример Лин Си. Тот увидел, что Хо Цзюй ест без малейшего изменения в лице, и с сомнением поднял палочки:

— Правда?

— Правда. Не обманываю, — Хо Цзюй с невозмутимым видом проглотил кусок и неторопливо взял второй.

Его спокойствие сбило Лин Си с толку, и тот тоже решился.

«Да что там, — подумал он. — Не может же быть хуже питательного раствора. Сейчас есть настоящую, натуральную еду уже счастье, ещё и привередничать? Лин Си, ты зазнался!»

Проведя минуту в напряжённой внутренней борьбе, он с видом человека, идущего на смерть, отправил кусок горькой дыни в рот и лицо его мгновенно позеленело.

— Буэ...

Он готов был поклясться: дело не в том, что он «зазнался», просто с некоторыми продуктами у него врождённая несовместимость. В их числе горькая дыня, а позже к списку добавится и рыбная мята (Хауттюйния сердцевидная).

— Хо-далан, ты меня обманул! — Лин Си потянулся схватить его за шею.

Шея - одно из самых уязвимых мест человеческого тела, но поймать Хо Цзюя было невозможно: он ловко увернулся. И с самым серьёзным видом заявил:

— Правда вкусно.

Лин Си свирепо уставился на него:

— Повтори ещё раз. Смотри, а то ночью, когда уснёшь, я тебе насекомых скормлю.

Брови Хо Цзюя тут же сошлись так, что ими можно было бы придавить муху. В военные годы, когда заканчивались припасы, ему случалось есть и насекомых, но при наличии выбора нормальный человек всё равно испытывает к такому отвращение.

Лин Си оскалился в улыбке:

— Высококачественный белок, удвоенная польза для здоровья!

Хо Цзюй слов не понял, но счёл за лучшее отодвинуться от Лин Си подальше.

После ужина они разошлись. Над головой - солнце, луна и звёзды*. Хо Цзюй остался дома греть воду для купания, а Лин Си, словно обезьяна, юркнул в горы. Мягкий лунный свет отражался в реке, рассыпаясь мерцающими бликами.

(ПП: поэтическая фраза. Описывает ночное небо, но с намёком на смену времени (от закатного солнца к ночным светилам))

Он зачерпнул пригоршню воды и плеснул себе в лицо, но тут же хлопнул себя по лбу, вспомнив о забытом деле. Поспешно смыв с себя пену, он переоделся в чистую одежду. Волки, охранявшие его по периметру, услышав движение, один за другим подтянулись к нему.

— Мне ещё нужно кое-что сделать, я спущусь с горы, — сказал Лин Си, по очереди погладив их по головам. — Будьте умницами. Если что, сразу приходите ко мне.

Дахуэй ткнулся мордой ему в ладонь, словно уверяя, что всё будет в порядке.

Попрощавшись с волчьей стаей, Лин Си зашагал вниз по склону, под серебряным светом луны. В темноте пара карих глаз безмолвно следила за его тонкой фигурой, как хищник, терпеливо выжидающий момент для охоты.

Лин Си почти сразу ощутил этот взгляд - давящий, опасный, пронизанный угрозой. Он остановился, медленно повёл шейю, размял запястья.

Похоже, ночь обещает быть интересной.

<http://bllate.org/book/13580/1266733>